

[Рец на: / Review of:] **Е. В. Падучева. Эгоцентрические единицы языка.** 2-е изд. М: Издательский дом «ЯСК», 2019. 440 с. [E. V. Paducheva. *Egotsentricheskie edinitisy yazyka* [Egocentric language units]. 2nd edn. Moscow: YaSK Publishing House, 2019. 440 p.] ISBN 978-5-907117-23-5.

Галина Ивановна Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия
galinak03@gmail.com

Galina I. Kustova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
galinak03@gmail.com

DOI: 10.31857/S0373658X0008783-0

К сожалению, приходится начинать с того, что «Эгоцентрические единицы языка» — это последнее прижизненное издание Елены Викторовны Падучевой, хотя ее труды, которые уже многократно переиздавались, вне всякого сомнения, будут переиздаваться и дальше.

Елена Викторовна Падучева — автор нескольких книг и сотен статей, иностранный член Американской академии искусств и наук, член Европейской академии, член Европейского лингвистического общества, член Грамматической комиссии Международного комитета славистов — была одной из центральных фигур отечественного лингвистического сообщества. У нее учились, у нее спрашивали совета, с ней сотрудничали коллеги самых разных возрастов и научных воззрений, из разных городов и стран, а для тех, кому посчастливилось лично знать Елену Викторовну, ее внимание и общение с ней было не только огромной честью, но и огромной радостью.

Как и каждая книга Е. В. Падучевой, монография «Эгоцентрические единицы языка» отражает не только определенный этап ее научного творчества, но и целое направление в науке о языке.

Кажется глубоко символичным, что монография посвящена одной из ключевых характеристик естественного языка и речевой деятельности — субъективности, или, в терминах Падучевой, — эгоцентрии. Субъективность в языке традиционно связывалась с фигурой говорящего [Jakobson 1957; Benveniste 1959]. Первоначально к говорящему и связанным с ним понятиям (ср. момент речи) обращались, в основном, при описании местоименной лексики и категорий лица, времени, наклонения и субъективной модальности. Однако в последние десятилетия XX в. [Fillmore 1971; Wierzbicka 1980; Апресян 1986; Падучева 1996] в полной мере было осознано, что имплицитный (подразумеваемый) говорящий присутствует в значении — и должен отражаться в толковании — самых разных языковых единиц и конструкций (ср.: *Он принес целых два арбуза* vs. *Он принес всего два арбуза*; *Он, кажется, не поверил*) в качестве носителя семантических и прагматических пресуппозиций, модальных рамок, в качестве субъекта вводных слов и т. п. [Wierzbicka 1980; Падучева 1985]. В этом же ряду стоят фигуры наблюдателя и субъекта сознания [Падучева 1991].

В книге Е. В. Падучевой обобщаются результаты ее многолетних исследований эгоцентрии в языке.

В 1-й главе («Эгоцентрические языковые единицы: режимы употребления») дается краткое изложение теоретических представлений об эгоцентрических языковых единицах (эгоцентриках) и связанных с ними понятиях. **Эгоцентрики**, согласно определению автора, — это «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» (с. 17). К эгоцентрикам в монографии причисляются: дейктические слова (эксплицитные обозначения говорящего и адресата *я* и *ты*, а также *здесь*, *сейчас*, *этот*, *тот*, *вот*, *вон* и т. п.),

дейктические грамматические категории (вид, время, наклонение), показатели субъективной модальности (вводные слова типа *кажется, к сожалению*), показатели неопределенности (*какой-то*), оценочные слова и экспрессивы (*превосходный, супер*), метатекстовые показатели (*иначе говоря*), частицы типа *разве, ужасно, даже, хоть*, диалогические реакции (*да, нет, в самом деле*), междометия (*Ах!; Ой!*) и другие языковые единицы (при этом единицы типа *едва ли, даже* и т. п. являются эгоцентрическими, но не дейктическими).

Ключевыми понятиями, вокруг которых строится описание, выступают каноническая и неканоническая коммуникативная ситуация, первичные и вторичные эгоцентрики, говорящий и наблюдатель.

Одним из важнейших положений в концепции автора является разграничение говорящего лица и говорящего как коммуникативной роли (во втором случае говорящий называется также эгоцентрическим субъектом, который может быть имплицитным). Именно такой **исполнитель коммуникативной роли говорящего** фигурирует в толкованиях эгоцентрических единиц типа *едва ли, показался, вдруг* и т. п. Если в канонической коммуникативной ситуации роль говорящего выполняет говорящее лицо, то в неканонической ситуации, в результате проекции, эту роль могут выполнять другие субъекты.

Каноническая коммуникативная ситуация предполагает непосредственный контакт говорящего и адресата (единство места и времени). Канонической коммуникативной ситуации соответствует **диалогический (речевой) режим интерпретации** эгоцентриков (первичный дейксис по [Апресян 1986]), т. е. в диалогическом режиме эгоцентрики ориентированы на говорящего. Соответственно, в **неканонической коммуникативной ситуации** (где говорящий не имеет общего с адресатом момента речи, а значит, и общего поля зрения) действует **нарративный режим интерпретации** эгоцентриков.

В зависимости от поведения в неканонических ситуациях различаются вторичные и первичные эгоцентрики. **Вторичные (мягкие) эгоцентрики**, ср. *сейчас, конечно* и т. п., употребляются в разных контекстах, причем они меняют лишь ориентир (исполнителя роли говорящего), но не меняют значения. В диалогическом режиме ориентиром (точкой отсчета при интерпретации) для них является говорящий: *Я сейчас занят; Я, конечно, вернусь*. В нарративном режиме в качестве ориентира при интерпретации эгоцентриков выступает персонаж, ср.: *Он [Тиверзин] вышел, хлопнув дверью <...>. Этот мир был ему сейчас ненавистнее, чем когда-либо [Б. Л. Пастернак] (сейчас — настоящее время персонажа); Пилат объясняет. <...> Налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована [М. А. Булгаков] (персональная, т. е. связанная с персонажем, интерпретация конечно), или автор-повествователь (нарратор): Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке <...>, что она позабыла его. Этого быть не могло. Она его, конечно, не забыла [М. А. Булгаков] (аукториальная интерпретация конечно). **Первичные эгоцентрики** реализуют свое «нормальное» значение только в диалогическом режиме, а в других условиях это значение меняется. Пример первичного эгоцентрика — время. Так, прошедшее время в диалогическом режиме обозначает предшествование точке отсчета (= моменту речи): *Вчера он писал отчет, а я отвечал на письма*, а в нарративном режиме оно может обозначать одновременность точке отсчета — текущему моменту текста, ср.: *Когда в приемную знаменитой психиатрической клиники, недавно отстроенной под Москвой на берегу реки, вошел человек с острой бородкой и облаченный в белый халат, была половина второго ночи. Трое санитаров не спускали глаз с Ивана Николаевича. Тут же находился и крайне взволнованный поэт Рюхин [М. А. Булгаков]*.*

Одна из ключевых тем книги и многих более ранних работ Елены Викторовны — фигура **наблюдателя**. Имплицитный говорящий как коммуникативная роль может иметь разные семантические роли в семантике эгоцентрических единиц, например: говорящий = субъект речи, ср.: *Она красива, но Джон так не считает* и **Она красива, но я так не считаю* — эпистемическое обязательство, т. е. ответственность за истинность утверждаемой пропозиции, лежит на говорящем; говорящий = субъект сознания, ср.: *Жаль, что тебя не было на празднике; Он, кажется, уже приехал* (подразумеваемый субъект предикатива

жаль и вводного слова *кажется* — говорящий как субъект сознания); говорящий = субъект восприятия, или наблюдатель.

Таким образом, наблюдатель — это всего лишь одна из ролей говорящего. Но так сложилось исторически, особенно в отечественной лингвистике, что именно наблюдатель занимает особое положение и выделяется среди других ролей говорящего. При этом, в зависимости от режима интерпретации, роль наблюдателя может выполнять не только говорящий, но также нарратор или персонаж.

Понятие наблюдателя использовалось в работе М. Я. Гловинской [1982] при толковании некоторых значений вида, но объектом пристального внимания наблюдатель стал после публикации работы [Апресян 1986], где было показано, что понятие наблюдателя необходимо, в частности, для того, чтобы объяснить разницу между правильным предложением (а) *На дороге показался всадник* (кроме синтаксического субъекта предложения здесь есть еще синтаксически не выраженный наблюдатель, в роли которого выступает говорящий) и неправильным предложением (б) **На дороге показался я* (поскольку наблюдателем является говорящий, он не может одновременно выступать в роли объекта синхронного наблюдения, ср.: *Мне сказали, что в этот момент на дороге показался я*). Е. В. Падучева формулирует три условия (признака) наблюдателя: (1) наблюдатель — вторичный эгоцентрик (связанные с ним единицы поддаются нарративной и гипотаксической проекции); (2) наблюдатель в толковании языковой единицы выполняет роль субъекта восприятия, объектом которого является один из участников ситуации; (3) наблюдатель не выразим синтаксически. Фигура наблюдателя требуется при толковании самых разных слов и конструкций, например глаголов типа *появиться, возникнуть, исчезнуть, обнаружиться, раздаваться, доноситься* (ср.: *На опушке обнаружили следы медведя* — ‘Наблюдатель обнаружил’), *белеть, чернеть, мерещиться, маячить, мигать, мелькать* и т. п. (*За домами чернела башня собора*), т. е. глаголов зрительного и слухового восприятия, но не только (ср. *пахнуть, благоухать*); слов типа *вдалеке, вдали* (*Вдали мигали огни / громыхал паровоз*), *вдруг, неожиданно* (*Он вдруг поднял голову*); при описании семантики вида как грамматической категории; при описании конструкций с генитивным субъектом (*Ваня не был на собрании* — просто констатация отсутствия; *Вани не было на собрании* — наблюдаемое отсутствие: наблюдатель находился в том месте, о котором идет речь); движущийся наблюдатель необходим для объяснения совершенного вида при описании ситуаций с неподвижными предметами (*Дом скрылся за деревьями; Начался туннель; Тропа кончилась у реки*). Этим единицам, конструкциям и категориям посвящены специальные разделы книги: глава 6 («Конструкция с генитивным субъектом отрицания и наблюдатель в глаголах запаха»); глава 9 («О глаголах с эгоцентрической лексической семантикой»); главы 3, 4, 5 (об интерпретации форм времени и вида).

В связи с фигурой наблюдателя нельзя не упомянуть о таком относительно новом направлении в русском языкознании, как исследование **эвиденциальности**, которая является эгоцентрической категорией (эта тема представлена главой 7 «Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность» и главой 8 «Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации», посвященной адмиративному употреблению вводного *оказывается*). В рамках исследований эвиденциальности неизбежно возникает вопрос о выражении соответствующих значений в языках без грамматической категории эвиденциальности типа русского. Например, в русском эвиденциальность не имеет морфологических показателей, однако Е. В. Падучева обнаружила конструкцию, в которой эвиденциальность выражена грамматически — формами слов (с. 232), ср.: *Бутылки не было в холодильнике* (наблюдаемое отсутствие, засвидетельствованное говорящим) vs. *Бутылка не была в холодильнике* (умозаключение по косвенным данным или знание).

Еще одна важная идея книги — идея проекций, которые определяют «смену исполнителей роли говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях и в нестандартных контекстах» (с. 38), ср. [Lyons 1977; Goddard 1998]. Например, нарративная проекция — это то же, что нарративный режим интерпретации, т. е. правило замены говорящего

на нарратора или персонажа в нарративе (см. примеры выше). Однако из текста работы следует, что понятие проекции шире, чем понятие режима интерпретации, т. к. кроме режимов интерпретации (диалогического и нарративного) существуют также нестандартные, или специальные, контексты употребления эгоцентрических единиц (раздел 4 главы 1), в которых действуют свои особые правила проекции. Автономному контексту (независимое предложение или главная клауза сложного предложения) противопоставлен **гипотаксический контекст** — зависимая клауза, например сентенциальный актант глаголов речи, мысли, восприятия (изъяснительное придаточное), а также придаточные причины, уступки и др. В гипотаксическом контексте субъектом эгоцентрической единицы может быть не говорящий, а подлежащее подчиняющего предложения: *Маша считает, что Иван едва ли придет* — «подразумеваемый субъект эгоцентрика *едва ли* не говорящий, а Маша» (с. 24).

Хотя гипотаксический контекст подробно рассматривается в главе 3 («Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте»), это не главная тема книги. Тем не менее гипотаксический контекст — это важный и особый фактор для интерпретации «субъективных смыслов», поэтому на нем стоит остановиться подробнее.

Гипотаксический контекст не связан с типом коммуникативной ситуации, т. к. бывает и в диалогическом, и в нарративном режиме. То, что правила проекции не удастся ограничить понятием режима интерпретации, а приходится вводить еще понятие специальных контекстов, — на наш взгляд, весьма показательно.

В действительности, речь должна идти о двух разных типах информации — и, соответственно, о двух разных типах эгоцентриков, — которые по-разному связаны с говорящим и субъективностью. Во избежание терминологической путаницы далее будем называть эти типы информации и соответствующие единицы и категории дейктическими (индексальными) и оценочными (личностными, собственно субъективными). Для дейктических единиц (местоимений, грамматических категорий типа времени и вида) говорящий — просто точка отсчета, ориентир в правилах вычисления значений этих единиц. В нарративе он автоматически заменяется на другой ориентир — нарратора или персонажа. Например, в тексте *Х вошел в зал и огляделся. На стенах висели картины* прошедшее время *висели* обозначает не завершившуюся ситуацию, как, например, в предложении *Еще вчера здесь висели картины* (которое означает ‘в момент наблюдения уже не висят’, см. [Гловинская 1982; Апресян 1995: 35]), а синхронно наблюдаемому. При этом личность Х-а, его взгляды, ощущения или предпочтения при такой смене ориентира совершенно не существенны и никакой роли не играют: Х-ом может быть кто угодно — Джеймс Бонд или Андрей Болконский. Более того, в нарративе получатель информации (читатель или слушатель) должен мысленно перенестись в пространство и время повествования (в «текущую» сцену) и «подставить» себя на место Х-а. Т. е. речь идет о механическом применении правила «перевода», замены говорящего на другое лицо (персонажа или повествователя) при интерпретации соответствующих слов и категорий. Такая же «вычислительная», операциональная природа у наблюдателя — собственно, в нарративной проекции мы и имеем дело с наблюдателем, в функции которого выступает нарратор или персонаж.

Совершенно другую, по сравнению с дейктической, информацию несут оценочные слова. К оценочным относится широкий спектр значений — модальные, эпистемические, этические, эстетические, прагматические оценки, эмоциональная и экспрессивная лексика (*вероятно, вряд ли, несомненно, конечно, как это ни противно / ни обидно; к сожалению*).

Субъективные (= оценочные) смыслы — это информация другой природы. Они связаны не с человеком как говорящим, а с человеком как индивидуумом, с конкретной личностью и ее воззрениями, предпочтениями, ожиданиями, оценками. Оценочные единицы — это тоже своего рода эгоцентрики, но они связаны с другим «эго» — с «эго» не в техническом, а в философско-психологическом смысле этого термина. Адресат должен найти (или вычислить) ту личность, которая контролирует оценочное слово, и вычленив личностный (субъективный) компонент высказывания — личный вклад субъекта оценки

в информацию предложения, дополнение к «объективному» описанию ситуации. Если в случае нарративной проекции роль наблюдателя передается персонажу, и с ним же отождествляет себя адресат (читатель, слушатель), то смысл, принадлежащий субъекту оценки, установки и т. д., никак не может передаваться другому лицу и не может присваиваться слушателем (читателем), т. к. это принципиально чужой смысл.

Оценка всегда принадлежит конкретному человеку — не важно, реальной личности или вымышленному персонажу, — и для полноценной интерпретации высказывания с оценочными компонентами получатель информации должен выяснить, кто этот человек, а не подставлять себя на его место. Получатель информации может эту оценку и не разделять. С другой стороны, если автор оценки не указан эксплицитно, она может становиться как бы «общей», и неискушенный читатель (слушатель) может воспринимать ее как «объективную». На неспособности отделить себя от субъекта навязываемой оценки, вычленив субъективную составляющую высказывания основаны, в частности, стратегии манипулирования чужим сознанием.

То, что оценка — это характеристика конкретного субъекта (личности), а не говорящего как языковой категории, как раз и показывают гипотаксические контексты, где есть субъекты, отличные от говорящего. Оценочные единицы в придаточных связаны не с коммуникативной ролью, а с субъектом установки. При этом субъектом установки — а тем самым и контролером оценки — может быть, конечно, и говорящий, ср.: *Я считаю, что он вряд ли придет* (контролер *вряд ли* — я); но им может быть также подлежащее подчиняющего предложения, ср.: *Павел Алексеевич утешал себя тем, что Виталик вряд ли станет кого-нибудь преследовать...* [Л. Улицкая] (контролер *вряд ли* — Павел Алексеевич); субъект пропозициональной установки, не являющийся подлежащим, ср.: *Интуиция подсказывала Кеше, что он вряд ли будет судиться с реальностью по данному вопросу* [В. Пелевин] (контролер *вряд ли* — Кеша). Наконец, есть еще более сложные случаи, ср.: *При этом девушка осознает, что вряд ли добьется серьезных успехов* [«Огонек», 2013] — говорящий считает, что девушка вряд ли добьется успехов, но и сама девушка это понимает; *Ты ведь понимаешь, что Иван, увы, не сможет участвовать в конкурсе* (увы отражает точку зрения говорящего, хотя подлежащее главной клаузы — адресат).

Семантика оценки разнообразна и разнородна (можно сказать — разнокачественна). *Вряд ли* выражает оценку вероятности. *Главное* выражает положение в иерархии: *Главное — удача* (главное для говорящего) vs. *Мой друг считает, что главное — удача* (главное для субъекта матричного предложения *мой друг*). Еще одна разновидность оценки — уступительное *хотя бы*: *Маша надеется попасть хотя бы на один спектакль фестиваля* — субъективный смысл *хотя бы* ('мало, но все-таки лучше, чем ничего') принадлежит Маше; *Петя рад, что Маша попадет хотя бы на один спектакль* — субъект *хотя бы* — Петя, при том что *хотя бы* находится в придаточном с подлежащим *Маша*; фигура говорящего в вычислении субъекта этого смысла вообще не участвует. Применительно к оценочным словам речь не идет об «исполнителе роли говорящего», как в нарративной проекции, — наоборот, сам говорящий может быть, наряду с другими лицами, «исполнителем роли» субъекта оценки.

Итак, говорящий для оценочных слов — вовсе не центральная фигура и не главная точка отсчета, а всего лишь один из вариантов субъекта. Весьма показательно, что сама Е. В. Падучева при описании семантики эгоцентриков *хоть, хотя бы* (в нашей терминологии — оценочных слов) предлагает «расширить» понятие говорящего. Разбирая материал из словарей [НОСС; АС], где в толковании слов *хоть бы* и *хоть* фигурирует говорящий: *хоть бы* *P* = 'говорящий понимает, что иметь желаемое (*P*') невозможно, и готов иметь меньшее *P*, обладание которым более вероятно', — Елена Викторовна отмечает, что в предложениях вида *Кэт решила поспать хотя бы полчаса; Даша просит, чтобы ты ей хотя бы позвонил* «субъектом уступительности» является не говорящий, а подлежащее матричного предложения — *Кэт, Даша*. В связи с этим Падучева предлагает заменять в толкованиях таких слов «говорящий» на «человек X» (с. 40).

Субъективные (оценочные, личностные) смыслы хотя и не сводимы к фигуре говорящего, но нередко связаны с ней. Есть единицы типа *вряд ли*, которые могут контролироваться разными субъектами (см. выше), а есть единицы — точнее, конструкции, — которые «привязаны» к говорящему: например, личный глагол *сожалеть* может относиться к разным субъектам (*Я сожалею, что друзья не встретились / Он сожалеет, что друзья не встретились*), а вводное *к сожалению* (в автономном контексте) — только к говорящему: *Друзья, к сожалению, так и не встретились*. При этом правила вычисления синтаксически не выраженного субъекта установки имеют, еще раз подчеркнем, другую природу, чем правила «перевода» говорящего в наблюдателя в нарративе. Они связаны не с дейктическими свойствами говорящего, а с информационными свойствами синтаксически неполных (неполноценных) конструкций — а именно, с тем, что говорящий — главный кандидат на роль синтаксически не выраженного субъекта, дефолтный заместитель этой роли. Но говорящий все равно выступает в таких конструкциях как носитель — если угодно, автор — личных смыслов. Т. е. для полноценного понимания высказывания *Друзья, к сожалению, так и не встретились* важно знать, кто именно сожалеет, а для нарративной проекции «говорящий → наблюдатель» совершенно не важно, кто автор текста.

Таким образом, правила интерпретации субъективных единиц в гипотаксических контекстах не сводятся к проблематике коммуникативных ролей и представляют особый тип.

Еще одна проблема связана с «несимметричной» интерпретацией конструкций типа: *Вкусно* ('мне') vs. *Вкусно?* ('тебе') (с. 39). Представляется, что это различие не связано с проекцией (в вопросе режим не меняется — он остается диалогическим). Необходимость приписывания (или вычисления) лица в предложениях типа — *Вкусно?* — *Вкусно* — возникает из-за того, что это, как и в случаях типа *к сожалению*, неполные конструкции (без синтаксического субъекта) и неглагольные формы. При использовании глагольных форм информация о лице присутствовала бы, ср.: — *Слышишь?* — *Слышу*. Однако 1 и 2 лицо (говорящий и адресат) в утверждениях и вопросах часто несимметричны и у глагольных форм. Несимметричность эта объясняется прагматически: более естественно, когда утверждения говорящего относятся к самому говорящему (или третьим лицам, о которых ему что-то известно), а вопросы — к адресату. И наоборот: многие утверждения говорящего об адресате прагматически неестественны (*?Ты любишь мороженое*), т. к. информацией об адресате в полной мере обладает только сам адресат (за утверждениями об адресате часто скрываются косвенные речевые акты — напоминания, упреки, ср.: *Ты же обещал!*), а вопросы к адресату как раз естественны, т. е. более естественна пара: — *Слышишь?* — *Слышу*, а не: — *Слышишь.* — *Слышу?* По этой же причине вопрос *Вкусно?* в норме относится ко 2-му лицу ('тебе'), а сообщение *Вкусно* — к 1-му ('мне').

Отдельно необходимо сказать о важной для данной монографии (и в целом для лингвистического наследия Е. В. Падучевой) теме модальности (которая, разумеется, тоже связана с проблематикой говорящего и наблюдателя).

Модальность — одна из сложнейших по внутренней структуре (и наиболее трудных для описания) языковых категорий, поскольку в ней пересекаются разные по происхождению типы значений. В работах Падучевой последних лет были предложены основания для разграничения разных видов модальности. Результаты этих исследований обобщаются в главе 2 («Модальность как эгоцентрическая категория»). Постулируются следующие противопоставления: (1) реальность vs. ирреальность, т. е. индикатив vs. сослагательное наклонение (выражаются грамматическими средствами); (2) иллокутивная сила: утвердительная, вопросительная и побудительная «иллокутивная модальность» (выражаются грамматическими и лексическими средствами, а также конструкциями); (3) субъективная модальность (психологическая или ментальная установка); (4) возможность и необходимость (в эпистемической и деонтической разновидности). Таким образом, выделяются три сферы (типа) модальности (с. 86–89): объективная (отношение высказывания к действительности), субъективная (отношение говорящего к содержанию высказывания)

и иллюкутивная (коммуникативная цель высказывания). Эта классификация не совпадает с традиционной: желательность и побудительность относятся не к объективной модальности (как, например, в [РГ 1980]), а к субъективной и иллюкутивной соответственно. Границы между субъективной и иллюкутивной модальностью не всегда четкие: например, ирония как речевой акт — это иллюкутивная модальность, но ирония как экспрессивный способ выражения отрицания (экспрессия) — субъективная модальность (с. 89).

Ключевым для работ Е. В. Падучевой последних десятилетий стало понятие **неверидикативности**. В рамках объективной модальности она рассматривает не два традиционных значения, а три: наряду с **реальным** и **ирреальным** статусом пропозиции вводится **нейтральный** — неутвердительный, неверидикативный статус, когда отношение к реальному миру не определено и «пропозиция употребляется безотносительно к истине» (с. 102). Нейтральную объективную модальность имеет пропозиция в некоторых гипотаксических контекстах (*Я думаю, он приехал*), в контексте вопроса (*Он приехал?*) и мн. др. Индикатив в контексте снятой утвердительности нейтрализуется, т. е. не выражает реальности ситуации (с. 102), ср.: *Я не думаю, что **Вася живет сейчас в Москве**; Если **Вася живет сейчас в Москве**, он тебе поможет*.

Снятая утвердительность (неверидикативность) — это важная модальная характеристика пропозиции, определяющая, в частности, набор допустимых контекстов для местоимений на -*нибудь*: *Наверное, кто-нибудь пришел* (субъективная модальность); *Кто-нибудь пришел?* (вопрос); *Спой что-нибудь* (побуждение); *Кто-нибудь вам откроет* (будущее время) и др., но: *Кто-нибудь пришел* (в качестве констатации уместно *Кто-то пришел*).

В ограниченной по объему рецензии невозможно охватить всё содержание монографии Е. В. Падучевой. Кроме общетеоретических разделов (снабженных, впрочем, богатейшим иллюстративным материалом) книга включает разделы, посвященные семантике отдельных дискурсивных и служебных единиц: вводным словам *никак, пожалуй, по крайней мере, кажется* и *казалось* (глава 10), союзам *а* и *но* (глава 11), частице *же* (глава 12), показателю слабой определенности *однажды* (глава 15), обороту *до сих пор* (глава 13). Все это вместе представляет масштабную и в то же время конкретную и подробную картину эгоцентризма в русском языке.

Подобно авторам одного произведения (как А. С. Грибоедов с его «Горем от ума»), бываю ученые, так сказать, одной теории. К Елене Викторовне Падучевой это ни в коей мере не относится. В ее творчестве представлен целый ряд фундаментальных теорий и научных парадигм, в каждую из которых Елена Викторовна внесла столь существенный вклад, что ни одна серьезная работа по соответствующей проблематике не обходится без ссылок на ее труды. Началом лингвистической биографии Е. В. Падучевой можно считать пионерскую для отечественной лингвистики 1970-х гг. работу «О семантике синтаксиса» (1974). Затем последовали теперь уже ставшие классическими труды по теории референции, местоименной лексики и имплицитным компонентам семантики высказывания («Высказывание и его соотносительность с действительностью», 1985), по аспектологии и теории нарратива («Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива», 1996), по семантической структуре и семантическим классам предикатной лексики («Динамические модели в семантике лексики», 2004), по логическому анализу языка и семантике отрицания («Русское отрицательное предложение», 2013). В последней книге Е. В. Падучевой, как и в предыдущих ее трудах, каждый читатель, несомненно, найдет пищу для размышлений и стимулы для будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семантика и информатика*. Вып. 28. М.: ВИНТИ, 1986, 5–33. [Apresjan Yu. D. Deixis in lexicon and

- grammar and the naive model of the world. *Semiotika i informatika*. No. 28. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 1986, 5–33.]
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Избранные труды*: В 2 т. Т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresjan Yu. D. *Izbrannye trudy* [Selected works]: In 2 vols. Vol. 2: *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury", 1995.]
- АС — *Активный словарь русского языка*. Т. 1–2. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014. [*Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Vol. 1–2. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]
- НОСС — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [*Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of Yu. D. Apresjan. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений*. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [Utterance and its relationship with reality: Referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 1991 — Падучева Е. В. *Говорящий: субъект речи и субъект сознания. Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991, 164–168. [Paducheva E. V. *Speaker: The subject of speech and the subject of consciousness. Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty*. Moscow: Nauka, 1991, 164–168].
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic investigations. Semantics of time and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- РГ 1980 — *Русская грамматика*: В 2 т. Т. II. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Benveniste 1959 — Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français. *Bulletin de la société de linguistique de Paris*, 1959, 54: 69–82.
- Fillmore 1971 — Fillmore Ch. J. How to know whether you're coming or going. *Linguistik 1971: Referate des 6. Linguistischen Kolloquiums*. Hyldgaard-Jensen K. (ed.). Frankfurt am Main: Athenäum, 1971, 369–379.
- Goddard 1998 — Goddard C. *Semantic analysis: A practical introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Jakobson 1957 — Jakobson R. *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1957.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. Vol. 1–2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977.
- Wierzbicka 1980 — Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. Sidney: Acad. Press, 1980.